

КОГДА в качестве хозяйки-тамады, по кругу наливая стаканы, я дошел до Симонова, он ловко прикрыл свой стакан ладонью и с неожиданностью затаенно снял с переобуодовой старинной керосиновой лампы стекло, один его конец зажал ладонью и так подставил мне: наливай, мол, туда. Видя мое замешательство, подбодрил: только смелее — не шучу, не передумал. Сначала медленно, осторожно, чтобы если что — отставить, потом единым махом я наполнил ламповое стекло. Ни одна капля не просочилась у основания. Закопченный ламповый колпак, будто и правда вместе с красным вином вобрал в себя пламя. Симонов поднес к губам краешек стекла, служившего теперь бокалом, и так, с ладони, залпом выпил вино. И лишь после этого опорожили свои стаканы все остальные. И вспыхнули аплодисменты. Собрать по пару более чем тридцати спан овацией приняли этот трюк. Дело было в 1966 году в Будапеште, на дружеской вечеринке, устроенной по случаю международной встречи поэтов.

В большинстве своем присутствующие аплодировали лишь артистичности фокуса, аплодисменты означали не более, чем уместное тут застольное «бравво». Но назерняка и помимо меня были такие, кому проткнулся подтекст представления. Я смотрел на этого элегантного мужчину, одетого в безупречный костюм (судя по фотографиям, костюмы он обожал), на его мощную, чуть откинутую назад фигуру, на уже тронутые седой «английские» усы, коснувшиеся лампового стекла, и в пристальном анализе только что увиденной «операции Симонова», как в сконцентрированном фокусе, мне вдруг почудились парящие от инея посты, дымящиеся от снарядов траншеи, вздрагивающие от артуров бункера... «Дальние палатки штабного времени», «летающие в бой поезда», «дом в Вязьме» — знаменитые симоновские образы... Нет сомнения, думал я,

шумное, вызывающее овацию компанейское умение — не иначе, как военное умение. Более того, если можно так сказать, это поэзия военного времени.

Прямо «с солдатских гарнизонов и командирских квартир» Симонов попал на высшие литературные курсы, названные именем Горького, а оттуда —

конец войне — о, сколько раз поэт грезит в своих строчках об этом «конце», как повторяется это «если однажды настанет конец!» — так вот, когда пришел конец войне, Симонов не к миру вернулся, а в свою особую «мирную» войну, в которой был единственным отважным добровольцем. Эту особую симонов-

то обрел себя пожизненно быть в плену военных переживаний. Но война занимала его не только в творчестве. И в жизни она постоянно проявляла власть; она — что та все обновляющаяся атака, которую писатель вел за выражение правды в своей теме, — велась с нарастанием, постепенно преодолевая внешние

короткий поэтический период, но — возможно, еще более произвольно — я вижу поэта в той большей части его поприща, на котором он по сути уже отошел от поэзии (если видеть поэзию лишь одушевленной в рифме).

Правда, я и с самого начала встретился с ним, как с поэтом. Симонов был первый советский поэт, которого я узнал не по случайно попавшемуся на глаза стихотворению, а по самостоятельной, хотя и тоненькой книжке. Кстати, нелишне вспомнить об этом маленьком сборнике-пионере, поскольку он никогда не переиздавался, а большая часть собранных в нем стихов не попала ни в одну антологию советской поэзии, издававшуюся в Венгрии. Составленная Йенэ Бирменом, в переводе Иштвана Бийкэ, книжечка появилась без обозначения года издания (вероятно, в 1946-м). Внешне непритязательная тетрадь, вобравшая в себя около дюжины стихов — моя очарованная память до сих пор. Ее заслуга в том, что она взбудоражила, перевернула все мои представления о поэзии.

Подробнее об этом я попытался сказать позже, в 1959 году, в написанной работе о Симонове. Хотя вообще я подвизался как переводчик, переводил непосредственно с близких мне языков и литератур, мои познания в русском были бледными. Тем не менее, благодаря этому маленькому сборничку спустя несколько лет я перевел целый том, самое существенное в творческом пути поэта и, к сожалению, рано ставший завершающим поэтический цикл «Друзья и враги».

Да, стихов почему-то поубавилось. Поэзия же, я так чувствую, и дальше оставалась истинной музой Симонова. Ведь именно войну, все этапы фронтовых широт и долгот он до конца сопровождал стихами. Естество его поэтической природы особенно проявилось во второй, более обширной части его призвания: в том непреодолимом колдовстве, с которым он и после отгре-

вевших боев пристрастился и разгадка давно минувших событий, к поиску оккупационных рапортов, донесений, таким образом снова и снова возвращаясь, словно фанатик, к своей излюбленной теме, но в развитии, укрупняющем на единство внутреннего мотива, равно как и на единство «места действия».

Вторая мировая война была «тотальной» не только в том смысле, что подмяла под себя всякую мысль и все, что извечно считалось «человеческим», что всю энергию целой нации, каждую минуту жизни всего народа сумасшедшая самодержавная прихоть фашистов принудила к службе войне, но и в том, что в схватке, которую враг вел не на жизнь, а на смерть, полнотой затрагивались все человеческие сферы, война сама по себе — а тут, как никогда — была безысходной, единственно возможной жизнью без апелляции. Той самой, что состоит из «дней и ночей», той самой, при которой судьбу вершит альтернатива — «с тобой и без тебя», той самой, что протекает среди «друзей и врагов», в неразрывной метаморфозе «живых и мертвых», иными словами — жизни в сфере основополагающего человеческого существования.

Приведенные выше слова в кавычках — это заголовки основных произведений Симонова; каждый из них выражает суть произведения, в центре внимания этих книг не та избитая истина, что «и на войне есть будни», но та, что и военные дни — будни, при которых единственные и неповторимые жизни миллионов и миллионов людей уходят безвозвратно.

От «Дней и ночей» до «Каждого дня длинного», от «С тобой и без тебя» до «Живых и мертвых» Симонов всегда пытался писать, заново и заново воссоздавать себя, что у поэта означает: жизнь всех нас. В том и состоит значение его военной поэзии и его литературных героев.

Изображая роковые усилия всего человечества выжить, выжить, когда с самого начала невозможно освободиться от противозаконного произвола и порабощения, трудно было одновременно высказать жизненную и художественную правду. И Симонов не мог ее высказать, но старался всегда первым сказать то, что созревало пока только в нем. Его смелость, отсюда берущую начало писательскую смелость, нельзя не отметить. И проявилась она не в ту пору, когда почему бы и не высказаться... Симонов в своих неустанных, непрерывных попытках переделать написанное, если в силу каких-то причин отрывки содержавшие что-то переходящее, устаревшее, — одно из великих и важных поэтических завещаний для всего нашего поколения. Даже в том случае, если в силу условий писатель не мог иногда найти развязку, соразмерную своему таланту и замыслу.

В том первом венгерском небольшом поэтическом сборнике есть стихотворение «Хозяйка дома», написанное в 1942-м. С прощального вечера в честь уходящих на фронт одним смелым полетом фантазии поэт заглядывает на вечеринку, на которой вот так же будут праздновать победу. Те же. Но, разумеется, не все. Кто останется в живых и кто нет (лейтмотив симоновской поэзии с отблеском всего наиболее таинственного, жгучего) — разве можно было предвидеть в объятиях «железнодорожной слепой судьбы, войны»? И все же и они, и те, павшие, будут там.

Кто лгал, что я на праздник не пришел? Мы здесь уже. Когда все будут пьяны, Веселуемо и вам подсядем мы за стол

И сдвинем за живых бесшумные стаканы... Я и сейчас слышу живой звон живого бокала Симонова — лампового стекла, и вижу его таким, каким оно было: с пламенем в вине.

Перевела с венгерского Елена БЕРЦИК, член Союза журналистов СССР.

ДЬЕРДЬ ШОМЛО

БОКАЛ СИМОНОВА

Союз писателей СССР и Союз венгерских писателей имеют общую пятилетнюю программу сотрудничества, сирепленную соглашением, подписанным в Будапеште в ноябре 1980 года.

Со времени появления в печати сообщений об этой творческой и приятельской дружбе в журнале «Непсабадшаг» — центральный орган Венгерской социалистической рабочей партии опубликовала ряд материалов, представляющих интерес и для советской литературной общественности. Один из них — воспоминания о Константине Симонове — был помещен на страницах «Непсабадшага».

Читателям небезынтересно, думается, познакомиться с новыми штрихами и портрету писателя, сделанными Дьердем Шомло, основным переводчиком произведений Симонова в Венгрии. Если же читатель — забайкалец, то имя Константина Симонова не может не вызвать в его душе особый отклик, поскольку своей великий и долгий фронтовой путь солдата, военного корреспондента и поэта-летописца войны Константин Симонов начал из

Читы, из пределов Забайкальского военного округа.

Это было в 1939 году, когда на Халхин-Голе, по свидетельству Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, «в устройстве тыла, в организации подвоза нам очень помог Забайкальский военный округ. Без него мы, наверное, не справились бы с созданием в кратчайший срок материально-технических запасов, необходимых для операции». Помогала Чита и в организации армейской газеты на Халхин-Голе. А из Москвы на подмогу родившейся фронтовой газете послал Константин Симонов. «Я вспомнил пыльную, насквозь продутую забайкальскими ветрами Читу лета тридцати девятого года. Японцы вторглись в Монголию. Мы, нан было обобщено, пришли на помощь монголам. В газетах почти ничего не писалось. А в районе реки Халхин-Гол шли уже третий месяц кровавые бои.

Редактору армейской газеты (Д. Ортенбергу — прим. ред.) там, в районе боев, вдруг понадобился поэт и он, не вдаваясь в подробности, послал в Москву телеграмму из трех слов: «Пришли телеграмма одного поэта». Был разгар лета, других поэтов в Москве в тот день не случилось, и посла-

скую «войну», местом действия которой стало все его творчество, нельзя понимать однозначно. Насколько я знаю, Симонов — единственный видный писатель нашего времени, который избрал войну главной темой своего творчества. А если точнее — кого военная тема избрала своим солдатом, ординарцем и посылала во все новую и новую опасную разведку. Поэт как буд-

ли меня. Так, здесь, на Дальнем Востоке... началась моя военная молодость» — таково признание самого К. М. Симонова, сделанное в книге «Остаюсь журналистом» и в других автобиографических материалах. Знаменитый, запечатленный в стихах «Транссибирский экспресс» с ночной остановкой в Чите приехал Симонов на пятачок халхин-гольской земли.

Поход на войну, начатый Константином Симоновым из Читы, воплотился в цикл стихов «Соседа по юрте», в книгу «Стихи 1939 года», в лирическую поэму «Далеко на Востоке», в пьесы «История одной любви» и «Парня из нашего городка». На поле битвы, на которое прибыл непосредственно из Читы, писатель испытал первое «собственное ощущение того, что такое война». И вынес это ощущение вместе с новым предчувствием «если завтра война» тоже через Читу... Многие важные моменты связывали писателя с забайкальской землей и в последующие десятилетия, что достойно и исследования, и симоновских чтений в нашем крае. Но сейчас слово — венгерскому другу Константина Симонова.

препятствия все в новых и новых проявлениях, а потом вспыхивала заново, порой один на один с самим собой.

Критика чаще всего подчеркивает публицистический дух, публицистическую силу творчества Симонова. Я же — возможно, вопреки принятому правилу — вижу в нем прежде всего поэта, не собираюсь произвольно увеличивать его действительно